

УДК. 32:355/359

DOI: 10.31857/S032120680005614-9

Подходы администраций Б. Обамы и Д. Трампа к развитию ПРО (сравнительный анализ)

О.О. Криволапов*Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)**Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер. 2/3*

ORCID 0000-0001-9658-2671

e-mail: o.krivolapov@iskran.ru

И.А. Петрова*Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)**Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., 2/3*

ORCID 0000-0003-4973-127X

e-mail: ira.pet@gmail.com

Статья поступила в редакцию 23.04.2019.

Резюме: Обзорные доклады по противоракетной обороне (ПРО) 2010 и 2019 гг. являются главными документами по политике США в сфере ПРО в начале XXI века. Сравнительный анализ этих двух документов отражает основные направления эволюции в подходах США к разработке и развёртыванию ПРО от администрации Б. Обамы (2009–2017 гг.) к администрации Д. Трампа (с 2017 г.). Структуры обоих документов, если анализировать их по главам, довольно схожи. «Обзор ПРО-2010 г.» был выпущен во время второго года президентства Б. Обамы. В нём указывались только угрозы баллистических ракет для территории США, их вооружённых сил и союзников в трёх регионах мира. В «Обзоре ПРО-2019 г.» содержится более широкий спектр угроз: кроме оценки угроз баллистических ракет, он включает обзор опасностей, которые представляют крылатые ракеты и гиперзвуковые планирующие блоки для территории и ВС США и их союзников; противоспутниковые, противовоздушные и противоракетные системы охарактеризованы как угрозы для сил и средств США. Дальнейшее развитие в документе 2019 г. получили роль и стратегия ПРО, в нём также представлены новые концепции и системы ПРО. Более того, названы новые регионы и направления сотрудничества в сфере ПРО, значительные перемены содержатся в главе об организации программ противоракетной обороны. Все эти изменения свидетельствуют об основном направлении эволюции политики США в сфере ПРО: к более эшелонированной и интегрированной архитектуре ПРО, хотя многие фундаментальные её черты были заложены ещё в «Обзоре ПРО-2010 года».

Ключевые слова: баллистические ракеты, крылатые ракеты, гиперзвуковые планирующие блоки, операции «до пуска», сотрудничество/взаимодействие, «развитие по спирали», «испытать, потом купить».

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН "Анализ и прогноз новых глобальных вызовов и возмож-

ностей для России" на 2018-2020 гг. Проект "Политика США в сфере безопасности в современном мире и российско-американские отношения".

Для цитирования: Криволапов О.О., Петрова И.А. Подходы администраций Б. Обамы и Д. Трампа к развитию ПРО (сравнительный анализ). *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2019, 49(7):20-38. DOI: 10.31857/S032120680005614-9

B. Obama and D. Trump Administrations' Approaches towards Missile Defense (a comparative analysis)

Oleg O. Krivolapov,

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN)

2/3 Khlebnyy per., Moscow 121069, Russian Federation

ORCID 0000-0001-9658-2671

e-mail: o.krivolapov@iskran.ru

Irina A. Petrova

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN)

2/3 Khlebnyy per. Moscow 121069, Russian Federation

ORCID 0000-0003-4973-127X

e-mail: ira.pet@gmail.com

Received 23.04.2019

Abstract: 2010 Ballistic Missile Defense Review and 2019 Missile Defense Review are the main documents about the U.S. missile defense policy in the early 21st century. Comparative analysis of these two documents is necessary. It highlights the main evolution features of the U.S. approach to missile defense development and deployment from B. Obama to D. Trump administration. The structures of both documents are quite similar, so the comparison goes chapter by chapter. The 2010 Ballistic Missile Defense Review (BMDR) was released during the second year of B. Obama presidency. That document covered only ballistic missile threats to the U.S. territory and deployed forces and allies in three regions. The 2019 Missile Defense Review (MDR), which was released after a year of delay, addresses broader range of threats. Apart from ballistic missile threats assessment it includes review of cruise missile, hypersonic threats to the U.S. homeland, its forces and allies. Antisatellite and air and missile defense systems are also defined as threats to the U.S. forces and capabilities. Role and strategy of the U.S. missile defense has been further developed. Many new concepts and systems of 2019 MD are presented in chapters about missile defense programs. Furthermore, new regions of interest and new avenues for missile defense cooperation and integration have been mentioned. The chapter about management of missile defense programs has been significantly changed. All these changes show the direction of the U.S. missile defense policy evolution towards more layered and integrated missile defense architecture. But many of its foundations were outlined in 2010 BMDR.

Keywords: ballistic missiles, cruise missiles, hypersonic glide vehicles, “left of launch” operations, cooperation, “spiral development”, “fly before you buy”.

Acknowledgements: The article is funded by the Presidium of the Russian Academy of Sciences under research program “Analysis and Forecast of New Global Challenges and Opportunities for Russia” for 2018-2020 period within the project “US Security Policy in the Modern World and Russian-American Relations.”

For citation: Krivolapov O.O., Petrova I.A. B. Obama and D. Trump Approaches towards Missile Defense (a comparative analysis). *USA & Canada: Economics, Politics, Culture* 2019 49(7):20-38. DOI: 10.31857/S032120680005614-9

ВВЕДЕНИЕ

Традиционно каждая американская администрация выпускает серию документов, в которых излагает взгляды на состав и масштабы текущих угроз национальной безопасности США, а также очерчивает контуры своей военной политики в определённых сферах. Администрацией Д. Трампа уже были выпущены в 2017 г. «Стратегия национальной безопасности» (*National Security Strategy*), в 2018 г. «Стратегия национальной обороны» (*National Defense Strategy*), «Обзор ядерной политики» (*Nuclear Posture Review*). 17 января 2019 г. вышел в свет «Обзор противоракетной обороны» (далее «Обзор-2019»), который стал четвёртым программным документом действующей американской администрации в сфере обороны и безопасности и вторым в истории США документом о политике по ПРО. Первый был выпущен администрацией Б. Обамы в 2010 г. (далее «Обзор-2010»). Оба документа были составлены Министерством обороны по запросу Конгресса и президента США. В них излагается текущее состояние программ и систем ПРО, их состав, планы развития, очерчены приоритеты, которых придерживаются США в проведении этого сегмента военной политики.

Выход «Обзора-2019» ожидался ещё в феврале прошлого года. Однако его авторам пришлось пересмотреть практически готовый текст документа в связи с выступлением президента РФ В.В. Путина с ежегодным Посланием Федеральному собранию России, в котором была предана гласности информация о перспективных российских разработках в военно-стратегической сфере. Сложно предположить, каков был текст документа за год перед этим, но озвученные президентом России данные произвели ошеломляющее впечатление: 40 раз в «Обзоре-2019» упоминается, например, «гиперзвуковое оружие» (в «Обзоре-2010» – ни одного раза).

Сравнительный анализ двух основополагающих в области ПРО документов 2010 г. и. 2019 г. – с учётом мнений и выводов ведущих специалистов по

этой теме В РФ и за рубежом* – позволяет выявить те изменения, которые произошли в формулировании политики США в данной сфере за прошедшие девять лет.

СРАВНЕНИЕ СТРУКТУР ОБЗОРОВ

Структуры обоих документов имеют примерно одинаковую логику, продиктованную стремлением к совершенствованию возможностей «щита» против новых возможностей «меча». Оценивая текущие и перспективные угрозы национальной безопасности США, оба документа предлагают возможные варианты противодействия этим угрозам с помощью развития определённых направлений (архитектуры, технологий, программ) строительства национальной и региональной ПРО. Причём основным направлением этого строительства всегда является курс на «опережение» потенциального противника.

Оба документа открываются вступительным словом министра обороны (в 2010 г. – Р. Гейтса, в 2019 г. – П. Шанахана), затем следуют резюме, вступление, основные главы и в завершение – общие выводы.

В выпущенном администрацией Б. Обамы «Обзоре защиты от баллистических ракет» (*Ballistic Missile Defense Review*), было шесть основных глав:

1. Оценка угроз БР (*The Ballistic Missile Threat*)
2. Стратегическая и политическая структура (*Strategy and Policy Framework*)
3. Национальная ПРО (*Defending the Homeland*)
4. Региональная ПРО (*Defending Against Regional Threats*)
5. Международное сотрудничество (*Strengthening International Cooperation*)
6. Организация программ ПРО (*Managing the Missile Defense Program*)

Документ, выработанный при администрации Д. Трампа – «Обзор ПРО 2019» (*2019 Missile Defense Review*), состоит из пяти глав:

1. Среда эволюционирующих угроз (*The Evolving Threat Environment*)
2. Значение, политика и стратегия развития ПРО (*Role, Policy, and Strategy*)
3. Программы и системы ПРО (*U.S. Missile Defense Programs and, Capabilities*)

* Среди российских, кроме сотрудников Института США и Канады РАН [Десять лет без Договора по ПРО ,2012; Есин А.И., 2017], можно отметить экспертов из Института мировой экономики и международных отношений РАН [Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество, 2012]. Также политика США в сфере ПРО упоминается в трудах специалистов МГУ им. М.В. Ломоносова (Кокошин А.А., Веселов В.А., Фененко А.В.), ПИР-Центра (Бужинский Е.П., Баклицкий А.А.) и других. Среди зарубежных специалистов, занимающихся проблематикой ПРО, самой многочисленной группой являются американские. В США в настоящее время изучением проблемы ПРО наиболее активно занимаются эксперты из Ассоциации по контролю над вооружениями, Брукингского института, а также Союза обеспокоенных учёных, Центра по контролю над вооружениями Гудзоновского института.

4. Организация программ и испытаний ПРО (*Missile Defense Management and Testing*)

5. Взаимодействие с союзниками и партнёрами (*Working with Allies and Partners*).

Оценивая только структуру документов, невозможно проанализировать эволюцию взглядов американской администрации на пути обеспечения целей противоракетной обороны. Детальное сравнение содержания основных разделов будет рассмотрено ниже. Но, забегая вперёд, можно сказать, что различия эти существенные. Изменения, произошедшие в системе международных отношений с конца 2013 г., привели к конфронтационному состоянию России и США, которое некоторые эксперты называют «холодной войной 2.0». Это состояние поменяло взгляд на субъекты международных отношений, несущих потенциальную угрозу Соединённым Штатам. В серии упоминавшихся выше документов к этой категории отнесены не только «страны-изгои» (по американской идентификации), но и «ревизионистские» державы, к которым причислены Россия и Китай. Язык «Обзора-2019» полностью терминологически согласуется с этими документами. Одним из последствий произошедших изменений в структуре «Обзора-2019» стало иное названия главы, которая в документе 2010 г. называлась «Международное сотрудничество». В «Обзоре 2019» соответствующий раздел именуется «Взаимодействие с союзниками и партнёрами».

СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ В ОЦЕНКЕ УГРОЗ

Подчёркнём, что именно первый раздел, в котором формулируются угрозы национальной безопасности США, задаёт тон всему документу. В «Обзоре-2019» по сравнению с «Обзором-2010» «градус» опасности от этих угроз повышен многократно. Это выразилось, во-первых, в расширении списка стран - потенциальных противников, от которых исходит угроза безопасности США и их союзникам, и, во-вторых, в увеличении типов наступательных вооружений и их носителей, в которых применены новые технологии, улучшающие их качественные характеристики. Соответственно, поменялось и название главы - с «Баллистические угрозы» (2010) на «Среда эволюционирующих угроз» (2019).

Сходство главы об угрозах в обоих документах состоит в подчёркивании приоритетности задачи по защите безопасности территории США - этот подраздел в обоих текстах идёт первым. Однако его содержание кардинально отличается. В «Обзоре-2010» оценивалась потенциальная опасность от развития баллистических ракетных систем «государств-изгоев» (КНДР, Ирана) и лишь вскользь упоминалось о том, что США внимательно следят за развитием ракетной программы КНР. Более того, Россия и Китай в тексте «Обзора-2010» назывались «партнёрами».

В «Обзоре-2019» в подразделе об угрозах территории США Россия и Китай уже перечислены в списке противников вслед за Северной Кореей и Ираном. В

последнем абзаце подраздела делается оговорка, что в случае России и Китая американцы полагаются на ядерное сдерживание, а в отношении «государств-изгоев» США должны действовать «на опережение» угроз.

Далее в обоих «Обзорах» следует подраздел, посвящённый региональным угрозам. Название этого подраздела в Обзоре 2019 г. несколько изменено: «Ракетные угрозы войскам США за рубежом, союзникам и партнёрам». Хотя суть рассматриваемых проблем осталась та же, но такая формулировка, по нашему мнению, может означать то, что акцент теперь сделан на ведущую роль США в региональных военных союзах.

В обоих Обзорах этот раздел также содержит перечисление стран, несущих потенциальную угрозу с упором на развитие ракет средней и меньшей дальности. Но в Обзоре-2019 из этого списка исчезла Сирия, однако появились Россия и Китай. Особо отметим, что в абзаце про угрозы, исходящие от России, именно здесь появляются обвинения её в нарушении Договора о РСМД. Хотя территории США российские РСД наземного базирования никакой угрозы априори нести не могут, но обвинения в виновности России, очевидно, предназначены, чтобы оказать влияние на возможные действия региональных партнёров США.

Именно в документе 2010 г. был выдвинут тезис о роли ПРО в региональном сдерживании, в котором утверждалось, что «угроза сильного ответного удара может быть неэффективной во время военно-политического кризиса за рубежом против государств», руководители которых «могут посчитать, что они способны вовлечь США в конфронтацию, если они поднимут ставки достаточно высоко, показав потенциал нанесения большего ущерба своими ракетами» [1: 6-7]. Также в «Обзоре 2010» уже был сделан намёк на парирование региональной ракетной угрозы со стороны КНР, в частности, в связи с возможной силовой операцией в отношении Тайваня [1: 7]. В Обзоре-2019 ещё раз подтверждается роль региональной ПРО в качестве инструмента противодействия потенциальным противникам в принуждении США методами военного и политического давления.

В разделе о региональных угрозах Обзора-2010 также выдвигался и обосновывался тезис о том, что архитектура региональной ПРО должна быть «гибкой, адаптивной и подвижной» для возможного перемещения элементов ПРО в проблемные регионы во время военно-политического кризиса [1: 26]. В Обзоре-2019 утверждение о совместимости американских систем ПРО с системами ПРО союзников многократно подчёркивается и усиливается, что, по нашему мнению, может свидетельствовать либо о тенденции к повышению роли американских военных в управлении и контроле союзническими средствами ПРО, либо быть очевидным указанием союзникам на приобретение систем ПРО американского производства. Вероятны и оба варианта одновременно.

Безусловным различием Обзоров в формулировании угроз является отход от оценки возможностей исключительно баллистических ракет (БР). В 2010 защита от нападения БР называлась «важным приоритетом» ПРО. В Обзоре-2019 спектр типов таких «приоритетных» вооружений значительно расширен. Во-первых,

упоминаются крылатые ракеты (КР) и гиперзвуковые планирующие боевые блоки (ГПБ), разработки которых ведутся и в России, и в Китае. Скорость ГПБ, идущего по непредсказуемой траектории, значительно выше, чем у КР. Во-вторых, особо подчёркиваются возможности совершенствования вооружений путём использования как технологии разделяющейся головной части ракеты с индивидуальным наведением на цели боевых блоков, так и технологии для обеспечения маневренности боевого блока, несущего боеголовки и ложные цели. В-третьих, в Обзоре-2019 появился раздел об угрозе от разрабатываемых в РФ и КНР противоспутниковых систем (наземного и космического базирования) и систем ПВО/ПРО. В Обзоре-2010 такого подраздела не было.

В первой главе Обзора-2019 делается вывод о возрастании вызовов системе ПРО США в результате: 1) увеличения качественных возможностей существующих ракетных систем потенциальных противников, 2) добавления этим системам новых и беспрецедентных свойств, 3) включения новых типов вооружений в военное планирование и их интегрирование с существующими вооружениями, 4) апробации этих систем в ходе военных учений.

Помимо этого, в качестве ракетной угрозы национальной безопасности США, звучит ещё одно, правда косвенное, обвинение в адрес России в распространении ракетных технологий, а именно в передаче Северной Корее технологий создания мобильной платформы для систем ПВО и ПРО, а также в участии в создании иранской системы ПВО/ПРО.

Эволюция подходов к формулированию стратегии развития ПРО

В главе «Стратегическая и политическая структура» Обзора-2010 были указаны следующие шесть приоритетов политики в данной области:

I. Защита территории США от ограниченных атак БР. При этом повторялась большая часть «формулы» времён Дж. Буша-мл. о том, что ПРО будет разубеждать противников в пользе создания ракет, сдерживать их от использования ракет, отражать ракетную атаку в случае провала сдерживания [1: 11].

II. Защита «вооружённых сил США от региональных ракетных угроз, в то же время защищая союзников и позволяя им самим себя защищать».

III. Развёртывание противоракетных систем после испытаний в реалистичных условиях против репрезентативных угроз с применением подхода «испытай, прежде чем покупать» (*fly before you buy*) в сфере закупок систем ПРО.

IV. Устойчивое финансирование программ ПРО. В связи с этим указывалось на закрытие финансирования программ, по которым не было ощутимого прогресса, несмотря на то что они были очень затратными и долгими.

V. Гибкость и адаптивность архитектур ПРО к будущим угрозам.

VI. Лидерство США в расширяющихся международных усилиях в области ПРО.

Авторы «Обзора-2019» избрали другой путь и в изложении основных приоритетов развития ПРО. В главе, озаглавленной «Значение, политика и стратегия

ПРО», прежде всего, они решили очертить **принципы управления ПРО**: 1. Национальная ПРО (НПРО) США будет на шаг впереди ракетных угроз «стран-изгоев»; 2 ПРО будет защищать развёрнутые за рубежом войска США и поддерживать безопасность союзников и партнёров; 3. США будут искать новые концепции и технологии ПРО.

Затем указаны **элементы стратегии (развития) ПРО**: (1) Всеобъемлющие возможности ПРО по трём направлениям: (а) активная ПРО для перехвата на любом участке, (б) пассивная защита для смягчения эффекта от наступательных ракет, (в) в случае провала сдерживания, операции для уничтожения наступательных ракет «до пуска», (2) Гибкость и адаптивность архитектур ПРО. (3) Более тесная интеграция средств наступления и обороны. (4) Важность космоса.

Относительно новыми по сравнению с 2010 г. являются констатация поиска новых концепций и технологий ПРО, подчёркивание роли пассивных средств защиты объектов и повышение важности использования космической среды для размещения элементов ПРО (сенсоры для сопровождения ракет на всей траектории полета; перехватчики). Концепция перехвата БР на разгонном участке с помощью орбитальных ударных элементов системы ПРО не нова. Но в «Обзоре ПРО» она упоминается впервые. В документе 2019 г. говорится о потенциале подобных систем, но также подчёркивается необходимость более полного исследования возможностей данной системы и потенциальных затрат на неё [3: 36-37].

Принципиальным нововведением, по сравнению с положениями «Обзора-2010», является концепция операций ПРО «до пуска», то есть применение упреждающих действий против систем противника (в том числе, ракетные удары по пусковым установкам ракет). На применение этой концепции авторы «Обзора 2019» ссылаются во многих разделах документа.

В рассматриваемом разделе «Обзора 2010» был далее развит тезис о роли ПРО в усилении регионального сдерживания. Утверждалось, что ПРО помогает США поддерживать «военную свободу манёвра», снижая потенциал запугивания со стороны региональных субъектов (включая тех, которые стремятся получить оружие массового уничтожения, в том числе ядерное), «желающих препятствовать и сорвать военный доступ США в регионы». По мнению авторов «Обзора-2010», ПРО, усиливая сдерживание и заверяя союзников в выполнении Вашингтоном своих обязательств, способствует «миру и стабильности и усиливает глобальный режим нераспространения» [1: 12].

В «Обзоре-2019» список задач, достижению которых способствует ПРО, был расширен: (1) Защита территории США, войск за рубежом, союзников и партнёров. (2) Сдерживание атак против США, союзников и партнёров. (3) Заверение союзников через помощь в защите их территории. (4) Подкрепление дипломатических усилий США в мирное и кризисное время. (5) Стабилизация и обеспечение вариантов ответа помимо наступательных операций. (6) Ограничение будущих рисков в условиях распространения ракет. (7) Обеспечение региональных и трансрегиональных военных операций США и их союзников. По сути,

данный список целей и их разъяснения являются очередным подтверждением уникальной роли ПРО, изложенной в документе 2010 г. Потому что в «Обзоре 2019» в пояснениях ко всем семи пунктам красной нитью проходит тезис о снижении уверенности потенциального противника в «ракетах как в средстве принуждения» [3: 27, 29].

Именно в этом разделе «Обзора-2010» говорилось о стратегическом балансе в отношениях США с РФ и КНР. «В то время как (система НПРО) использовалась бы для защиты США от ограниченных ракетных атак из любого источника, у неё нет возможности справиться с массированным ракетным ударом со стороны России и Китая, и она не предназначена для изменения стратегического баланса с этими странами» [1: 13].

В «Обзоре-2019» подобный тезис формулируется следующим образом: «США полагаются на ядерное сдерживание для парирования угрозы от сложных и высокотехнологичных российских и китайских МБР и атак из любого источника в соответствии с “Ядерным обзором-2018”» [3: 8, 31]. Кроме этого, в разделе об архитектуре ПРО «Обзора-2019» говорится, что система ПРО территории США (система GMD) «разработана для защиты от существующей и потенциальной угрозы МБР из «стран-изгоев» (КНДР и Иран), но в случае конфликта, она защитила бы, насколько это осуществимо, от атак БР по территории США из любого источника» [3: xii, 41]. Далее в тексте цитируется обновлённая версия закона «О национальной ПРО» (принятого в 1999 г.), согласно которой США проводят политику по «поддержке и улучшению эффективной надёжной эшелонированной ПРО, способной защитить территорию США, союзников и развёрнутые силы и средства от развивающейся и чрезвычайно сложной угрозы БР». В конце 2016 г. из версии закона 1999 г. были исключены слова «ограниченная ПРО» и «ограниченная ракетная атака». Этих слов нет и в тексте «Обзора-2019». Так или иначе, в документе 2019 г. признаётся факт того, что НПРО США использовалась бы для защиты в случае обмена ядерными ударами с крупными ядерными державами, даже если эффективность подобного применения НПРО США была бы под большим вопросом.

Ещё одним важным отличием «Обзора-2019» является отсутствие термина «стратегическая стабильность». Этот термин связывается с доктриной взаимного гарантированного уничтожения. В «Обзоре-2010» о стратегической стабильности говорилось в контексте необходимости дальнейших сокращений стратегических вооружений РФ и США, а также в контексте отношений США и КНР. Наоборот, в документе 2019 г. утверждается, что ПРО сама стабилизирует ситуацию через предотвращение или сокращение ущерба от атаки [3: 29]. Подобный взгляд можно считать чётко выраженным сомнением в роли контроля над вооружениями как средства стабилизации международной безопасности.

СРАВНЕНИЕ ВЗГЛЯДОВ ДВУХ ПОСЛЕДНИХ АДМИНИСТРАЦИЙ США ОТНОСИТЕЛЬНО АРХИТЕКТУРЫ ПРО

В связи с детальным анализом этого раздела в обоих «Обзорах» авторам представляется необходимым вынести анализ этих разделов в отдельные подпункты.

Концепция национальной и региональных архитектур ПРО в «Обзоре-2010». Национальная ПРО США, согласно «Обзору-2010», должна состоять из системы ГМД (*Ground-Based Midcourse Defense, GMD*) с 30 противоракетами ГБИ (*Ground-Based Interceptor, GBI*) при возможности развернуть дополнительные РЛС для сопровождения БР на всей траектории, а также о возможности начала новых программ ПРО [1: 15-18]. Также в документе 2010 г. упоминался проект создания противоракеты *SM-3 Block IIB*, способной решать задачи перехвата МБР (проект был отменён в 2013 г.). Основа данного подхода к построению НПРО состояла в том, что ПРО реализовывала ограниченную защиту от ограниченных угроз. Утверждалось, что данная архитектура могла бы быть расширена, но только в случае роста угрозы МБР из Северной Кореи и Ирана.

Защите от региональных ракетных угроз был посвящён самый большой раздел «Обзора-2010». Это отражало акцент политики администрации Б. Обамы в сфере ПРО именно на региональных архитектурах ПРО. В соответствии с «Обзором-2010» эти архитектуры мыслились как адаптивные. Основным проектом такого рода был Европейский поэтапный адаптивный подход (*European Phased Adaptive Approach*), план создания которого первоначально имел четыре фазы [1: 24]. В Обзоре новой широкой архитектуры европейской ПРО взамен старой, выработанной в администрации Дж. Буша-младшего (10 двухступенчатых противоракет ГБИ и одна РЛС X-диапазона) [1: 29-30], новая архитектура должна была обеспечить защиту территории европейских стран и размещённых в них американских военных баз от иранских БР малой и промежуточной дальности, а также территории США от МБР в случае их появления у Ирана. Для защиты территории США предполагалось использовать региональную РЛС *AN/TPY-2* с территории Турции (развёрнута в 2011 г.) и противоракеты *SM-3 Block IIB* (изначально планировались к постановке на боевое дежурство в 2020 г.) [1: 27-28]. Поэтапный адаптивный подход к построению региональных архитектур ПРО предполагалось применить, помимо Европы, также для стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и Ближнего Востока.

Для создания подобных архитектур были выведены три основных принципа:

1. Работа США с союзниками для усиления «регионального сдерживания, построенного на основе взаимодействия и надлежащего распределения бремени»;

2. Развёртывание ПРО в регионах мира должно происходить в соответствии с требованиями обороны и сдерживания, уникальными для каждого региона в зависимости от его географии, состава угроз и военных отношений, на которых строится взаимодействие в ПРО [4: 22];

3. Разработка именно мобильных элементов ПРО, так как потенциальный глобальный «спрос» на элементы ПРО в следующем десятилетии может превысить «предложение».

И хотя в пояснении ко второму принципу утверждалось, что «не требуется глобальной интеграции архитектур ПРО, включающей и (системы ПРО) союзников, и речь идёт о региональных структурах с общими элементами [1: 23], в то же время указывалось на интегрирующую роль Системы командования, контроля, боевого управления и связи, С-2 БМС (*Command and Control, Battle Management and Communication, C2-БМС*), призванной собирать и обрабатывать информацию с сенсоров и передавать её на ударные средства в рамках и региональной ПРО, и национальной ПРО. Отмечалось то, что «для защиты территории США (эта система) сделает возможной цельную глобальную картину, включающую все аспекты ПРО» [1: 21]. То есть подразумевалось, что все виды сенсоров от больших РЛС раннего предупреждения до РЛС систем «Пэтриот» и все боевые информационно-управляющие системы (ГМД, «Иджис», ТХААД, «Пэтриот») с их соответствующими перехватчиками будут интегрированы в этой системе С2-БМС.

Несмотря на всю технологическую сложность решения данной задачи, особенно в части интеграции систем ПРО союзников, можно сказать, что в «Обзоре-2010» уже была заложена одна из главных тенденций в построении ПРО, актуальная и в настоящее время, – максимальная интеграция всех элементов ПРО между собой. Тем более, что только в рамках такой интеграции может действовать концепция «удалённого перехвата» (*engage-on-remote*), которая состоит в том, чтобы использовать данные с различных сенсоров (в том числе, космических) для перехвата ракеты за пределами дальности РЛС корабля, который запускает противоракету [1: 22]. Таким образом, согласно документу 2010 г., сенсоры космического базирования признавались элементами архитектуры региональной ПРО, как и национальной ПРО, что безусловно повышает их значение.

Концепция национальной и региональных архитектур ПРО в Обзоре-2019.

Как и в «Обзоре-2010», после перечисления имеющихся элементов системы ПРО излагаются планы выполнения озвученных в 2017–2018 гг. планов как в рамках национальной, так и региональных ПРО.

Выше уже упоминалось, что в «Обзоре-2019» нет термина «ограниченная» ПРО. Касательно НПРО речь идёт об увеличении количества перехватчиков ГБИ (*GBI*) с 44 до 64 единиц к 2023 г. Утверждается, что решения о дальнейшем росте числа противоракет этого типа и создании третьего позиционного района на востоке США будет принято при увеличении угрозы МБР (например, их появление у Ирана) [3: 57]. Также в «Обзоре-2019» говорится об совершенствовании существующих и развёртывании новых сенсоров (наземных и космических) для лучшего распознавания боеголовки на фоне ложных целей, а также о разработке защиты от ГПБ (?) Кроме того, в тексте этого раздела «Обзора-2019» очерчен план защиты всей Северной Америки от угроз крылатых ракет.

В разделе о «региональной и трансрегиональной ПРО», кроме наращивания числа средств для защиты от БР речь также идёт о парировании угроз КР и ГПБ в региональном контексте, для чего планируется увеличить количество перехватчиков, а также кораблей, оснащённых системами ПРО. Указывается, что эти «многоцелевые корабли (с системами ПРО), высокоманевренные и живучие, будут мобилизовываться по мере необходимости во время кризиса и конфликта» [3: 48]. Хотя подобные тезисы содержались и в «Обзоре-2010» [1: 23, 26, 27], в данном документе они имеют гораздо более определённое значение. Дело в том, что в июне 2018 г. начальник штаба ВМС США адмирал Дж. Ричардсон заявил, что «пора перестать использовать многоцелевые военные корабли только для дежурств в рамках задач по обеспечению ПРО» [2]. По мнению адмирала, наземные комплексы «Иджис эшор» (*Aegis Ashore*) должны сменить корабли в деле постоянного наблюдения за возможными пусками ракет, а сами корабли имеет смысл выдвигать в район кризиса только по мере необходимости. Скорее всего, авторы «Обзора-2019» согласились с точкой зрения начальника штаба ВМС США.

В данный подраздел включена ещё отдельно тема «Подготовка к перспективным ракетным угрозам и неопределённостям», где перечисляется ряд принципиальных новаций в сфере разработок систем ПРО. Во-первых, планируется провести испытание противоракеты *SM-3 Block IIA* против МБР. И если это испытание будет успешным, смело можно констатировать укрепление НПРО США в защите от МБР важным «подуровнем». Во-вторых, идёт процесс совершенствования технологий для применения в сенсорах космического базирования для решения задач не только обнаружения пусков, но и сопровождения ракеты на всей траектории полёта, а также распознавания боеголовки среди ложных целей. В-третьих, в качестве одного из направлений реализации концепции операций ПРО «до пуска», упоминается возможность использования противоракеты *SM-6* не только в качестве перехватчика в рамках ПВО/ПРО, но также и как наступательной ракеты класса «поверхность – поверхность». В-четвёртых, в «Обзоре-2019» говорится об использовании в операциях ПРО истребителя-бомбардировщика пятого поколения *F-35*, в частности предполагается употребить установленные на нём сенсоры для дополнения картины воздушных и ракетных угроз на ТВД; кроме того, вооружение *F-35* способно перехватывать КР. Рассматривается также вариант оснащения этого самолета противоракетой особого типа для перехвата БР на разгонном участке [3: 55]. В-пятых, указывается намерение переоборудовать испытательный комплекс «Иджис эшор» на Гавайях в позиционный район ПРО. В-шестых, подтверждается продолжение программы разработки многозарядного перехватчика (*Multi-Object Kill Vehicle, MOKV*) для перехвата большого количества целей. В-седьмых, подтверждалось продолжение разработки систем для перехвата БР на разгонном участке с использованием сенсоров и лазерного оружия (или кинетических перехватчиков), установленных на БПЛА. В-восьмых, разрабатывается проект орбитальной

группировки перехватчиков, который упоминался выше. И наконец, в-девятых, говорится о продолжении разработки защиты от ГПБ [3: 58-59].

Принципиальным отличием двух рассматриваемых документов является, в том числе, отношение к передовым разработкам в сфере ПРО. Обзор-2010 объяснял сокращение ряда НИОКР по разным программам, среди которых были две программы перехвата БР на разгонном участке: кинетическая противоракета (KEI) и лазер воздушного базирования (ABL)), а также программа многозарядного перехватчика (MOKV), которая была возобновлена в 2014 г. В качестве причин были названы недостаточный прогресс по этим программам, высокие затраты, неясность оперативного применения [1: 40-41]. Финансирование продолжала получать только одна передовая разработка, которая была объявлена именно в 2010 г. и продолжается до сих пор, – сенсоры на БПЛА. И хотя развёртывание этих сенсоров планировалось к 2015 г. [1: 21], до сих пор информации нет ни об одном функционирующем аппарате.

Мерам ПРО «до пуска» в документе 2019 г. посвящён отдельный небольшой раздел в главе об архитектурах ПРО, хотя эти меры упоминаются почти по всему тексту документа, например, что «в случае провала сдерживания и возникновения конфликта со странами-изгоями» или внутри региона, наступательные операции США по поддержке ПРО рассеют или уничтожат ракеты противника до их пуска» [3: 60]. Утверждается, что меры «до пуска» составляют часть всеобъемлющей стратегии по повышению эффективности активной ПРО через сокращение числа ракет противника, которые надо будет перехватить. Важными средствами операций «до пуска» названы системы наблюдения и целеуказания, а также высокоточные ударные системы большой дальности воздушного, наземного и морского базирования для уничтожения ракет мобильных комплексов до их пуска.

Заключая анализ главы об архитектурах ПРО в «Обзоре-2019», можно сказать, что, если администрация Б. Обамы делала чёткий акцент на развитии региональной ПРО, то администрация Д. Трампа поддерживает более сбалансированный подход к развитию национальной ПРО и региональной ПРО, дополняя их новыми системами и концепциями, относящимися к обоим типам ПРО и вводя новый термин «трансрегиональная оборона», тем самым подчёркивая развитие связей между всеми элементами ПРО.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С СОЮЗНИКАМИ

В «Обзоре-2010» перечислялись два направления взаимодействия (сотрудничества) с союзниками в сфере ПРО. Это: разработка и развёртывание надёжных и экономически эффективных систем ПРО и технологическое и промышленное сотрудничество [1: 32]. В разделе о европейских союзниках говорилось о развёртывании элементов архитектуры ЕПАП, а также о программе НАТО «Активная эшелонированная ПРО ТВД» (*Active Layered Theater Ballistic Missile Defense*). В разделе о союзниках в АТР речь шла о сотрудничестве с Японией (включая разработку противоракеты

SM-3 Block IIA), с Южной Кореей и с Австралией. На Ближнем Востоке предполагалось сотрудничество с Израилем (в том числе, в разработке израильских систем ПРО) и со странами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (в основном, в форме закупок ими американских систем ПРО).

Россия и КНР в Обзоре-2010 перечислялись среди партнёров. Упоминалось, в частности, о возможном вкладе РФ в архитектуру Европы через обмен данными с российскими РЛС. Однако подчёркивалось, что функционирование американских систем ПРО не будет зависеть от этих данных и что США не согласятся на ограничение этих систем. Также утверждалась необходимость продолжения диалога с КНР для сокращения недоверия между странами в стратегической сфере. Тем не менее, подчёркивалось: «Важно, чтобы Китай принимал во внимание, что США будут работать над созданием гарантированной защиты своих вооружённых сил и выполнять обязательства перед союзниками в Восточной Азии по защите от всех региональных угроз БР» [1: 34-35].

В «Обзоре-2019» речь идёт о расширении регионов, в которых США взаимодействуют с союзниками. Причём вместо Азиатско-Тихоокеанского региона в употребление введено название Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), в таких странах которого как Япония и Южная Корея планируется развернуть дополнительные американские элементы ПРО, а с Австралией – продолжить переговоры по вопросам ПРО. При этом в документе акцент делается на роли союзников в организации ПВО/ПРО их собственных территорий.

Например, в части отношений с европейскими союзниками по НАТО предполагается, что кроме элементов ПРО, развёрнутых американцами в рамках ЕПАП для защиты от БР средней и промежуточной дальности, системы ПВО/ПРО стран НАТО должны обеспечить защиту от БР меньшей дальности и КР. Подчёркивается, что эти типы ракет применяются противником в операциях по «перекрытию доступа» в регион (*anti-access/area denial*) [3: 71]. Также в рамках союзнических отношений предлагается как закупка и развёртывание систем ПРО американского производства, так и помощь в совершенствовании систем ПРО европейского производства. Также планируется продолжить проведение учений для отработки взаимодействия в рамках интегрированной ПВО/ПРО.

В разделе о союзнических отношениях со странами Персидского залива содержится тезис о «поощрении закупки и развёртывания средств ПРО, которые, пройдя стадию интеграции, обеспечат основу для сети эшелонированной региональной обороны» [3: 73]. Очевидно в отличие от Европы основой региональной ПРО в Персидском заливе будут системы ПРО не из состава войск США, а из состава находящихся на вооружении у государств региона систем американского производства.

Касательно взаимодействия с Израилем говорится, что, помимо гарантированного ежегодного финансирования совместных программ ПРО, Соединённые Штаты будут искать возможности использовать опыт израильских противоракетных разработок в решении собственных подобных задач [3: 74].

Новым по сравнению с «Обзором-2010» являются упоминания о Южной Азии и Северной Америке. Утверждается, что США обсудили потенциальное сотрудничество в сфере ПРО с Индией как с «главным оборонным партнёром и ключевым элементом Индо-Тихоокеанской стратегии» [3: 76].

В части о Северной Америке речь шла о развитии взаимодействия с Канадой в сфере ПВО/ПРО и защиты от крылатых ракет.

Среди общих положений по взаимодействию США со своими союзниками можно выделить несколько возможных линий, которые являются логическим следствием развития двух направлений сотрудничества, упоминавшихся выше, с учётом специфики новой архитектуры ПРО. Это: (1) Взаимодействие как между системами ПРО/ПВО американскими и союзническими, так и между системами союзников, что необходимо в рамках противодействия стратегии «перекрытия доступа», а также для более равного распределения оперативной нагрузки между соединениями ПРО союзников и США.

(2) Инвестиции союзников в развитие ПРО, участие в разработке, производстве и испытаниях систем.

(3) Расширение участия союзников в распределении затрат на закупку и эксплуатацию систем ПРО [3: 77]. В этой связи говорилось и о мерах по облегчению продажи систем ПРО союзникам.

(4) Интеграция наступательных средств союзников в операции ПРО «до пуска» [3: 47].

В целом, сравнивая два раздела о взаимодействии с союзниками в области ПРО в двух программных документах, можно сказать, что заметная часть положений «Обзора-2019» идёт в русле «Обзора-2010», но усилен акцент на перераспределение затрат на создание, закупку, развёртывание и содержание систем ПРО. Принципиально новыми чертами, которых не было в документе 2010 г., являются следующие:

- взаимодействие в сфере операций ПРО «до пуска»;
- взаимодействие в противодействии стратегии «перекрытия доступа»;
- акцент на необходимость распределения оперативной нагрузки между американскими и союзническими подразделениями ПРО;
- изменение состава участников взаимодействия, что следует выделить особо, ибо это прежде всего связано с ухудшением американо-китайских и американо-российских отношений, а также с желанием администрации Д. Трампа развить сотрудничество с Индией и расширить взаимодействие в сфере ПРО с Канадой.

Акцент на перераспределение оперативной нагрузки можно связать с тезисом, высказанным Главой противоракетного и космического командования Армии США генералом Дж. Дикинсоном на слушаниях в Сенате в 2018 г. Он заявлял, что в случае реального конфликта с применением ракетных вооружений у Соединённых Штатов не хватит средств для перехвата ракет противника, в связи с чем приоритетом является повышение интеграции союзников в американские архитектуры ПРО [4: 19].

ОРГАНИЗАЦИЯ РАЗРАБОТОК, ИСПЫТАНИЙ И ЗАКУПОК СИСТЕМ

В «Обзоре-2010» утверждается, что управление программами ПРО должно соответствовать политике и стратегии, проводимым в сфере противоракетной обороны, а также международной обстановке. Для достижения этой цели, во-первых, следует повысить реалистичность испытаний систем ПРО и, во-вторых, необходимо оценить экономическую эффективность каждой программы перед продолжением работы по ней. Среди критериев оценки были перечислены:

затратность в сравнении с другими вариантами;

доступность в части разработки и финансирования;

соотношение между величиной фактических затрат на ПРО и затрат на покрытие ущерба, которого удастся избежать в результате обеспечения защиты [1: 39-40].

В соответствии с этими критериями и были отменены упоминавшиеся выше две программы ПРО (*MKV* и *KEI*), а третья – *ABL* – сокращена.

Остальные подразделы главы об организации программ ПРО посвящены разъяснению мер внутриведомственного и внешнего надзора, которые призваны обеспечить контроль над программами, включая реалистичность испытаний, проверку технической готовности систем и экономической эффективности выбранных вариантов архитектур ПРО.

С 2002 г. Агентство по ПРО (АПРО) для скорейшего развёртывания запланированных противоракетных систем было исключено из традиционного процесса закупок вооружений и пользовалось особыми правами в области организации разработки и закупки этих систем. Подход «развитие по спирали» (*spiral development*) заключался в том, чтобы закупать и развёртывать системы до того, как они пройдут полную проверку эффективности, а затем дорабатывать их, когда они находятся на боевом дежурстве. По мнению Счётной палаты США, данная практика ведёт к отставаниям от графика, снижению качества разрабатываемых и поставляемых систем, а также к перерасходам в сфере ПРО. В связи с этим администрация Б. Обамы в 2010 г. провозгласила подход «испытай, прежде чем покупать» [1: 11], по которому нет наложения между этапами НИОКР, испытаний и развёртывания. Но администрация не была готова полностью отказаться от использования подхода «развития по спирали». Данный подход относительно успешно зарекомендовал себя в сфере развития систем региональной ПРО (в отличие от национальной ПРО). В итоге, несмотря на требования о большей прозрачности программ ПРО и введение подхода «испытай, прежде чем покупать», в документе 2010 г. указывалось, что АПРО не будет возвращено в традиционный процесс закупок вооружений [1: 43].

В «Обзоре-2019» аналогичная глава гораздо короче и не содержит подразделов о прозрачности и надзоре. Первый подраздел посвящён ускорению процесса закупок систем [3: 62], второй – организации операций ПРО «до пуска», и третий – тестированию систем. Причиной отсутствия разделов о прозрачности и надзоре может быть то, что сейчас приоритетами в системе Пентагона являются высокая скорость поставки, продолжающаяся адаптация, в том числе частые модуль-

ные улучшения, своевременное повышение возможностей систем. Это было отражено и в Национальной оборонной стратегии 2018 г. [5: 10].

Новый тезис сформулирован в «Обзоре 2019» следующим образом: «Виды вооружённых сил и боевые командиры должны быть вовлечены в процесс разработки систем на ранних этапах для определения необходимых требований к эффективности и для установки условий и графиков передачи программ от АПРО в войска». Данная мера также нацелена на ускорение процесса получения войсками систем ПРО. Прямо утверждается, что Пентагон не сможет достичь очерченных целей, возвратив АПРО к стандартным процессам закупок [3: 62].

Таким образом, администрация Д. Трампа, по сути, не хочет использовать подход «испытай, прежде чем покупать», который, по её мнению, замедляет процесс развития ПРО. Отказ от данного подхода может отразиться на качестве поставляемых систем, как это уже было раньше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый сравнительный анализ основных положений «Обзора-2010» и «Обзора-2019» показывает, что администрация Д. Трампа учла в формулировках основных положений документа 2019 г. изменения в сфере международных отношений, а также достижения научно-технического прогресса, произошедшие за последние девять лет.

В части оценки ракетных угроз расширены как типы угроз (БР, КР, ГПБ, ПВО/ПРО, противоспутниковые системы, распространение ракетных технологий), так и число стран ((КНДР, Иран, Китай, Россия), ракетные системы которых характеризуются как угрожающие территории США, их войскам и союзникам в различных регионах мира.

В целом, можно сказать, что рассмотренная эволюция в содержании Обзоров ПРО отражает новый этап в развитии политики США в данной сфере, начавшийся после изменения закона «О национальной ПРО» в конце 2016 г. В документе 2019 г. в главе о стратегии развития противоракетной обороны, во-первых, расширен официальный список целей по обеспечению национальной безопасности, достижению которых способствует ПРО; во-вторых, увеличивается заявленная ещё в «Обзоре-2010» роль ПРО в региональном сдерживании; в-третьих, утверждается необходимость разработки новых технологий и новых концепций ПРО, в том числе учитывая развитие защиты от КР и ГПБ; в-четвёртых, происходит отказ от «ограниченности» в строительстве ПРО (пока формально) с одновременной оговоркой о том, что основой защиты США от массированных ядерных ударов из РФ и КНР остаётся ядерное сдерживание.

В то же время отсутствие термина «стратегическая стабильность» в контексте необходимости укрепления режима контроля над вооружениями в документе 2019 г (в отличие от «Обзора-2010»). свидетельствует о сомнении администрации Д. Трампа в роли контроля над вооружениями как инструмента стабилизации международной безопасности.

Относительно самих архитектур ПРО администрация Д. Трампа проводит сбалансированную политику развития национальной ПРО и региональных ПРО. При том в разделе о региональных ПРО администрация Д. Трампа следует принципам, заложенным администрацией Б. Обамы, а именно: адаптивность архитектур, мобильность элементов ПРО, уникальность архитектуры для каждого региона, интеграция всех элементов (и региональной ПРО, и национальной) между собой. Это дополнено разработками новых технологий ПРО и новыми концепциями (меры «до пуска»; перехват БР на разгонном участке).

В разделе взаимодействия с союзниками по ПРО расширено количество участников и список направлений, по которым должно идти сотрудничество и интеграция. Например, операции «до пуска»; противодействие стратегии «перекрытия доступа»; акцент на необходимость перераспределения оперативной нагрузки между американскими и союзническими подразделениями ПРО; акцент на необходимость более равномерных затрат на создание, закупку, развертывание и поддержку систем ПРО.

Относительно организации разработок и закупок ПРО «Обзор-2019», в отличие от документа 2010 г., делает гораздо больший акцент на ускорении процесса разработок и передачи систем в войска. В документе 2019 г. подчёркивается необходимость большего вовлечения войск (или ВС) в процесс разработки систем. Совершенствование мер надзора за этим процессом более не является частью политики в сфере ПРО. Это, в свою очередь, может не лучшим образом отразиться на качестве поставляемых систем, как это уже было раньше.

ИСТОЧНИКИ

1. Ballistic Missile Defense Review Report. Department of Defense, February 2010. Available at: http://archive.defense.gov/bmdr/docs/BMDR%20as%20of%2026JAN10%200630_for%20web.pdf (accessed 16.02.2018).
2. Larter D. The U.S. Navy is fed up with ballistic missile defense patrols. *Defense News*, June 16, 2018.
3. Missile Defense Review 2019, Office of Secretary of Defense. Available at: <https://media.defense.gov/2019/Jan/17/2002080666/-1/-1/1/2019-MISSILE-DEFENSE-REVIEW.PDF> (accessed 18.01.2019).
4. Statement by Lt Gen James H. Dickinson, Commanding General, USASMD/ARSTRAT and JFCC IMD before the Senate Strategic Forces Subcommittee, On Ballistic Missile Defense Policies and Programs in Review of the Defense Authorization Request for FY 2019 and the Future Year Defense Program, March 21, 2018. Available at: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Dickinson_03-22-18.pdf (accessed 25.03.2018).
5. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America, Department of Defense. Available at:

<https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed 28.01.2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Десять лет без Договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях. Научный доклад / Под ред. С.М. Рогова. М.: ИСКРАН, 2012. 76 с.

Есин В.И. Американская и российская системы противоракетной обороны и стратегическая стабильность. *Вестник Московского университета*. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2017, № 4, с. 3-41.

Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2012, 367 с.

REFERENCES

Desiat' let bez Dogovora po PRO. Problema protivoraketnoi oborony v rossiisko-amerikanskikh otnosheniikh / Pod red. S.M. Rogova i dr. [Ten Years without ABM Treaty. Missile Defense Problem in Russian-American relations. Ed. by S.M. Rogov]. (In Russ.). Moscow: ISKRAN. 2012. 76 p.

Esin V.I. Amerikanskaia i rossiiskaia sistemy protivoraketnoi oborony i strategicheskaia stabil'nost' [U.S. and Russian Missile Defense Systems and Strategic Stability] (In Russ.). *Moscow University Journal of World Politics*. No. 4. 2017. P. 3-41.

Protivoraketnaia oborona: protivostoianie ili sotrudnichestvo? / Pod red. A. Arbatova i V. Dvorkina [Missile Defense: Confrontation and Cooperation. Ed. by A. Arbatov and V. Dvorkin]. (In Russ.). Moscow, ROSSPEN. 2012. 367 p.

Информация об авторах / Information about the authors:

Криволапов Олег Олегович, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела военно-политических исследований Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3

Oleg O. Krivolapov, Cand. Sci. (Politics), research fellow at the Center for military-political studies. Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN) 2/3 Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation

Петрова Ирина Александровна, старший научный сотрудник Отдела военно-политических исследований Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер. 2/3.

Irina A. Petrova. Senior research fellow at the Center for military-political studies. Institute for the U.S. and Canadian studies Russian Academy of Sciences (ISKRAN), 2/3 Khlebny pereulok. 121069, Moscow, Russian Federation